ЯЗЫК СМИ

И.А. Вещикова, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: irinavmgu@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ИННОВАЦИЯХ В ОРФОЭПИИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МАССМЕДИА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В работе сделана попытка разобраться в особенностях устройства орфоэпической составляющей телевизионной речи новейшего времени. В поисках решения этой проблемы автор обращается к лингвистической литературе и журналистским текстам и анализирует, что отличает орфоэпию телевизионных медиа постсоветской эпохи и в чем причина наблюдаемых перемен.

Ключевые слова: *телевизионная речь, орфоэпия, кодифицированная норма, некодифицированные* (*компрессированные/разговорные*) *формы.*

In article the attempt is made to understand the features of the device of orthoepic component of a television speech of the latest time. In search of answer, the author refers to the linguistic literature and journalistic texts and analyzes what distinguishes orthoepy of television media in post-sovietic epoch and what is the reason for the observed changes.

Key words: *television speech, orthoepy, codificated norm, noncodificated* (*compressed/spoken*) *forms.*

Лингвистические источники об орфоэпии телеречи: нормативные и описательные

Степень изученности языка разных СМИ и разных его сторон крайне неравномерна. Работ, посвященных звучащим массмедиа новейшего времени, немного. Это касается и орфоэпической составляющей, в отношении устройства которой в настоящее время появился ряд неясных и требующих специального обсуждения моментов, обнаруживающих себя как при рассмотрении текстов в нормативном аспекте, так и при обучении практической орфоэпии.

Описания, касающиеся орфоэпии телевизионных массмедиа, делятся на две группы. ***Первую*** составляют профессионально ориентированные пособия и словари, назначение которых — представить все те характеристики, которые существенны для построения орфоэпически правильных и корректных текстов в условиях теле- и радиоэфира. По мнению авторов такого рода источников, работающие у микрофона должны руководствоваться принципом, суть которого они формулируют так: «В жизни многих русских слов бывают переходные периоды, когда у них есть два варианта ударения. Так, одинаково правильны *ина́че* и *и́наче*, *кулинари́я* и *кулина́-*

рия, *творо́г* и *тво́рог*... Однако “Словарь ударений русского языка” всегда рекомендует только один из двух сосуществующих в языке равноправных акцентных вариантов, так как предназначен в первую очередь для работников радио и телевидения. Это делается для того, чтобы не было разнобоя в речи журналистов»[1]. Проиллюстрируем данное положение несколькими примерами, обратившись к разным по времени словарям (табл. 1).

Таблица 1

Нормы ударений в профессионально ориентированных словарях

СУ-1984[1] / **СУ-2000**	**СШ-2009**[2]	**Примечания**
Вашингто́н Джордж Вашингто́н пост	Вашингто́н Джордж <u>Вашингто́н пост</u> и Ва́шингтон пост	В эфире встречаются два варианта, но чаще, «если речь идет об историческом имени, то у нас, конечно, Джорж Вашингто́н — мы от этого не уйдем. Но газета называется “Ва́шингтон пост”, и я тоже от этого никуда уйти не могу» [Федоров, 2009, с. 10—11].
Догово́рный	<u>Договорно́й</u> и догово́рный	Среди факторов, обусловливающих выбор варианта, на первом плане бывает контекст.
Жёлчный		Несоответствие рекомендаций орфоэпической практике.
Мастерски́	<u>Ма́стерски</u> и мастерски́	Среди существенных факторов, влияющих на выбор варианта, является возраст говорящего.
Одновре́менно	<u>Одновре́менно</u> и одновреме́нно	Рекомендации строго соблюдаются, однако за пределами журналистского сообщества не менее активен другой вариант.
Уста́вный		Рекомендованный вариант не является единственным. Выбор между уста́вный и уставно́й регулируется значением слова.
Фолькло́р	[лё и ло]	На разных каналах ситуация складывается по-разному.

[1] *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений русского языка / Под ред. М.А. Штудинера. М.: Рольф, 2000. С. 3 (далее — СУ-2000).

[2] *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений для работников радио и телевидения / Под ред. Д.Э. Розенталя. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984 (далее — СУ-1984).

[3] *Штудинер М.А.* Словарь образцового русского ударения. 6-е изд. М.: Айрис-пресс, 2009. «На первом месте дается вариант, рекомендуемый для эфира (этот вариант, кроме того, подчеркивается)». С. 5 (далее — СШ-2009).

Принципиально иной подход к нормализации встречаем в академических словарях, создатели которых подчеркивают, что «все многообразие языковых фактов не укладывается в противопоставление норма — не норма»[4] и что орфоэпическая норма может быть представлена вариантами как равноправными, так и неравноправными[5]. В основе такого решения лежит научное представление, согласно которому цель кодификации — «раскрытие и фиксация синхронной динамики современной литературной нормы и тем самым создание условий, при которых кодификация не была бы тормозом естественного и общественно обусловленного развития литературной нормы» [Едличка, 1988, с. 68]. Воспользуемся теми же примерами, чтобы наглядно показать различия между разными типами словарей (табл. 2).

Таблица 2

Нормы ударений в академических словарях

ОС-1997	**СЕ**[3]	**БОС**[4]	**ТС-2007**[5]
Вашингтон пост	Академические словари не включают имена собственные		
Договóрный ! *не рек*. договорнóй			Договóрный и договорнóй
Жёлчный и *доп*. жéлчный	Жёлчный	Жéлчный и жёлчный (о человеке, характере); Жёлчный (! неправ. ж[э́]лчный: желчный пузырь)	Жёлчный и жéлчный
Мастерскú ! *не рек*. мáстерски		Мастерскú и мáстерски	---

[4] *Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. 6-е изд. М.: Русский язык, 1997. С. 5 (далее — ОС-1997).

[5] Если варианты неравноправны, то неосновной вариант снабжается пометой «доп.». Это означает, что для работающих в СМИ он должен оставаться в стороне. К сожалению, это учитывается не всегда. Когда ведущий новостей произносит достато[шн]о (этот вариант уже в 1989 г. маркировался словарями как *доп. устар.*), то этому трудно найти оправдание. В то же время его использование в авторских программах А. Приваловым или Л. Млечиным не вызывает столь резкой отрицательной оценки и оправдывается возрастом говорящего.

[6] *Еськова Н.А.* Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. 6-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008 (далее — СЕ).

[7] *Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012 (далее — БОС).

[8] Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007 (далее — ТС-2007).

Окончание табл. 2

ОС-1997	**СЕ**[3]	**БОС**[4]	**ТС-2007**[5]
Одновреме́нный и *доп.* одновре́менный		Одновре́менный и одновреме́нный	
Уста́вный	---	Уста́вный и уставно́й (от устав — нормативный документ); уста́вный (от устав — вид письма)	
Фолькло́р [доп. кл^{ь}]	---	[кл] и [кл’]	Без помет

Конечно, установка на единообразие, провозглашенная еще в первом издании словаря ударений (1960) и с тех пор считающаяся основополагающей для медийной среды, вроде бы имеет определенные преимущества, так как помогает справиться с проблемой выбора из двух равноправных вариантов. Вместе с тем данное решение оставляет открытым ряд важных с точки зрения ***практики*** вопросов: должен ли журналист переучиваться в случае изменения научных рекомендаций? какие варианты, не указанные словарем ударений, имеют статус литературных, а какие и в какой мере компрометируют речь того, кто их употребляет? насколько актуальна, реалистична и эффективна установка на единообразие в современных условиях? Эти проблемы волнуют и журналистов, и лингвистов. Так, выступая на заседании круглого стола «Речь в современном медиаэфире. Обретения и потери», П.Р. Федоров (руководитель Русской службы «EuroNews» в 2001—2009 гг.) отмечает: «Еще одна болевая точка журналистов, также связанная с нормативным произношением... это навязывание какого-то одного кодифицированного варианта в случае расхождения норм, в случае колебания. Как известно, в словарях для дикторов радио и телевидения предусмотрен всегда только один вариант. Я говорил с коллегами, многих это действительно беспокоит, многие считают, что действительно второй вариант, который хотят употреблять именно они, ничем не хуже. Скажем, «твОрог» чем хуже, чем «творОг»? И есть множество других таких примеров. Я не говорю, что это плохо — навязывание какого-то одного варианта — так и должно быть. Но поскольку меня просили говорить о том, что беспокоит журналистов, скажу как раз, что журналистов это беспокоит» [Федоров, 2009, с. 7]. Еще более определенно высказывается один из авторитетнейших фонетистов современности Е.А. Брызгунова: «Приведенные выше сосуществующие варианты с научной точки зрения равноправны. Специалисты по СМИ имеют право выбрать, отдать предпочтение одному из вариантов и рекомендовать как норму. В начале XXI в.

редакторы СМИ рекомендуют ударение на корне слова, т.е. обеспе́чение, одновре́менно, обру́шение. Но значительная часть носителей литературного языка, людей знающих, образованных автоматически будет следовать своим нормам: обеспече́ние, одновреме́нно. И это не будет ошибкой, это будет равноправный выбор равноправного варианта. В этом пункте проявляется этическая проблема для редакторов СМИ» [Брызгунова, 2003, с. 195]. К вопросу «норма и вариативность» мы еще вернемся, а пока к сказанному о профессионально ориентированных словарях надо добавить еще два пункта.

Один касается ***содержания*** сведений об орфоэпической норме. В словарной традиции отсутствует четкая дифференциация понятий «орфоэпическая норма» и «кодифицированная норма». Обычно они используются как синонимы. Это привело к тому, что данные о литературном произношении оказались сведены к информации о вариантах, вызванных к жизни социальными факторами, такими как место рождения и наиболее длительного проживания, возраст, профессия, уровень культуры. Иначе говоря, в словарях находит отражение лишь варьирование типа *ж*[*ы*]*ле́ть* (ср. диал. ж[а]ле́ть), *достато*[*чн*]*о* (ср. допуст. устарелое достато[шн]о), *наркома́ния* (ср. в профес. речи наркомани́я), тогда как вопрос о литературных некодифицированных формах, т.е. «объективно встречающихся в разных условиях формах: gʌvʌrít, gəvʌrít, gəʌrít, gərít, grít и т.д.» [Щерба, 1957, с. 21] и больше известных под названием разговорных/компрессированных[9], остается в тени. Даже в исследованиях, специально посвященных радио- и телеречи [Зарва, 1971; Светана-Толстая, 2007], информация об особенностях орфоэпии слова в зависимости от условий речи носит весьма общий характер и не включает конкретных рекомендаций-предписаний. По-видимому, работающие в эфире должны положиться на интуитивное знание, что не всегда бывает надежно. Подход, при котором фактически единственным мерилом качества орфоэпии текста признается соответствие/несоответствие используемых в нем произносительных и акцентологических вариантов кодифицированным формам, становится сегодня явным упрощением, поскольку не дает полной, объемной и объективной орфоэпической картины.

Другой пункт связан со ***спецификой*** нормы, регистрируемой в словарях, адресованных журналистам. Чтобы объяснить, о чем идет речь, напомним, что «усвоение нормы всякий раз обусловлено вхождением в тот или иной социум. Поскольку в течение жизни

[9] Термин *некодифицированный* указывает на то, что соответствующие языковые средства не выходят за границу литературности, но и не культивируются в словарях и справочниках. Термин *компрессированный* акцентирует конструктивные особенности произносительных вариантов, уходя от нормативной оценки (ср. традиционный термин *разговорный вариант*).

человек может входить в разные социумы, постольку различные нормы могут наслаиваться одна на другую. Так, могут последовательно возникать требования: «говорить, как все» (в процессе нормализации детской речи, т.е. при вхождении в социальный мир), «говорить, как избранные» (при овладении социальным жаргоном, т.е. при вхождении в тот или иной замкнутый социум), «говорить и писать, как культурные люди» (при овладении книжной нормой, т.е. при вхождении в социум грамотных людей)... Таким образом, норма есть социальное явление. Она объединяет некоторый социум и выступает как знак социума. Поэтому, наряду с имманентно присущим всякой норме общим значением правильности, норма имеет еще и побочное социальное значение: она демонстрирует принадлежность к определенному социуму. В некоторых случаях этот социальный аспект может выступать на первый план» [Успенский, 2002, с. 13]. Приведенные соображения заставляют задуматься над сущностными различиями между академическими и профессионально ориентированными словарями. Академические словари дают информацию о так называемой книжной норме, авторитетность которой «обеспечивается не социальным престижем, но принципиальной консервативностью, связью с традицией. В случае книжной нормы вперед выступает не социальное значение нормы, а первичное имманентно присущее ей значение языковой правильности» [там же]. В словарях же для журналистов значение «рекомендуемый для эфира вариант» очевидным образом теснит основное для литературной нормы значение «правильно».

Вторая группа работ, так или иначе затрагивающих проблематику орфоэпии телеречи, относится к классу частно-описательных. В отличие от нормативных они ставят своей задачей показать «языковую реальность и существующий узус как они есть и провести это по возможности сквозь призму норму» [Лаптева, 2000, с. 7], где за норму принимаются рекомендации и предписания словарей последней четверти XX в. На первый взгляд выполненные с таких позиций исследования содержат разные обобщения и выводы. По оценкам крупнейшего теоретика литературного языка и автора едва ли не первой лингвистической работы по обсуждаемой теме, «норма достаточно прочна», хотя «все же есть области тревожного состояния» [Лаптева, 2000, с. 390]. Симптоматично, что не драматизирует положение и один из создателей классического орфоэпического словаря, отмечая: «Рассмотренный... материал показывает, что в области ударения в языке 80—90-х гг. шли активные процессы, которые касались различных разрядов слов. Однако эти процессы не представляли кардинально новых явлений, способных в какой-то степени повлиять на сложившуюся акцентную систему. Наблюдаемые процессы обусловлены действием давно сложивших-

ся и известных на протяжении достаточно длительного периода тенденций. Новым является более широкий охват этими тенденциями различных категорий и групп слов, активность этих тенденций» [Воронцова, 2000, с. 323]. Пожалуй, наиболее пессимистично выглядит заключение ученых, подготовивших новый академический «Большой орфоэпический словарь»: «Обособленность звучащей речи в СМИ, ее статус как особой произносительной подсистемы языка, способной положительно влиять на произносительную культуру общества, к сожалению, уходит в прошлое. Еще несколько десятилетий назад звучащая речь в СМИ могла рассматриваться как более или менее образцовая, немного консервативная и сопротивляющаяся речевым узуальным новшествам. Но в настоящее время на телеэкране и в радиоэфире мы слышим все то, что существует и в публичной речи, и в разговорно-обиходной речи, и в системе "старшей" нормы, и в речи носителей "младшего" произношения, то, что имеет несомненный статус нормы, и то, что только зародилось в речевой практике» [Каленчук, Касаткина, 2007, с. 318—319]. В то же время имеющиеся отличия не могут скрыть того, что объединяет все названные источники. Во-первых, в каждом из них звучит мысль о колебательном состоянии нормы, причем в центре оказывается проблема «ослабления твердых языковых норм в двух направлениях», связанных с активизацией «влияния норм определенных типов речи друг на друга» и появлением «огромного количества нарушений языковых правил» [Гловинская, 2000, с. 236]. Во-вторых, подвижность нормы связывается с недостаточной грамотностью журналистов и такими новшествами в СМИ, как «расширение сферы спонтанного общения» и изменение «важных параметров протекания устных форм массовой коммуникации» [Земская, 2000, с. 13].

Тенденции развития орфоэпии телевизионной речи в постсоветский период

Несмотря на то что работы о ТВ медиа немногочисленны, к настоящему времени собран довольно обширный материал. Выявленные учеными особенности крайне существенны, но недостаточны, поскольку минуют вопросы, касающиеся тенденций развития орфоэпической составляющей телеречи. Чтобы уловить направления ее эволюции, была предпринята попытка систематизировать в общем-то давно известные и неоднократно описанные факты сквозь призму нормативных установок, принятых в предшествующий период для тех, кто работает в системе СМИ. Анализ орфоэпии работающих в телеэфире под таким углом зрения высвечивает следующие ее трансформации.

(1). Начнем анализ с рассмотрения ***кодифицированных*** форм, поскольку с ними ассоциировано орфоэпическое статус-кво, «осознаваемое и принимаемое в определенную эпоху данным языковым коллективом как набор обязательных правил для требуемого нормального употребления литературного языка» [Едличка, 1988, с. 66]. Ключевой (хотя и не единственной) здесь оказывается проблема, связанная с выбором системы предпочтений и отношением к категории вариативности. Первоначальное наблюдение над функционированием кодифицированных форм фиксирует внимание на том, что сегодняшний эфир вбирает в себя чрезвычайно широкий их спектр. Однако — и это главное — они оказываются не в бессистемном смешении в том смысле, что с точки зрения их использования ТВ программы распадаются на две основные группы. Одну составляют ежедневные информационные программы; другую — информационно-аналитические, публицистические, познавательно-развлекательные, культурно-просветительские, детские и спортивные программы. В первом случае по-прежнему доминирует установка на единообразие и реализуется довольно жесткая норма, блокирующая свободу употребления журналистского «я». Во втором — можно наблюдать изменения в сторону принципиальной вариативности. Это особенно заметно на примере авторских программ, где имеет место персонифицированная информация. В этой связи примечательной кажется ремарка автора, ведущего и руководителя программы «Тем временем» А.Н. Архангельского: «...Хотя у меня практика другая, я ориентируюсь на словари предшествующего поколения, т.е. для вот медийной среды, если это не репортажи, не сверхсовременные задачи лучше ориентироваться на... на... лучше отстать»[10]. Небезынтересно заметить, что расширение границ кодифицированной нормы обычно не остается незамеченным аудиторией, но при этом не воспринимается как дефект коммуникации.

Отступление от установки на единообразие поддерживается как объективными, так и *субъективными причинами*. Назовем важнейшие из них.

(1.1). ***Преобразования*** в телевещании — появление большого количества каналов, увеличение жанровой палитры, расширение круга ведущих телеэфира.

(1.2). ***Динамика*** нормы. Орфоэпические нормы довольно устойчивы и стабильны, но отнюдь не неизменны. Для них, как и для большинства норм других уровней языка, «существует три основных

[10] Передача «Тем временем» с Александром Архангельским (телеканал «Россия К»). В анонсе передача называется «Русский язык в жизни и русский язык в школе: два разных языка?» Ведущий тему выпуска сформулировал иначе: «Русский язык в жизни. Русский язык в науке. Русский язык в школе». Эфир от 6 мая 2013 г.

этапа: а) старая норма активно сопротивляется проникновению новой нормы в литературный язык; новая норма в этом случае вообще не норма, она не кодифицируется и, следовательно, не допускается в литературный язык... б) новая норма получает такое распространение, что не признать за ней статуса нормативной невозможно; если оставить ее за пределами литературного языка, то круг носителей литературного языка оказался бы слишком узким; литературный язык перестал бы быть языком нации; поэтому в этот период возникает вариантность нормы: обычно на первом этапе этого периода старая норма признается основной, а новая — допустимой. На последующих этапах возможно равноправие вариантов норм... в) старая норма окончательно уходит из речевой практики» [Культура русской речи и эффективность..., 1996, с. 18]. Это объективный факт, с которым нельзя не считаться. И сегодняшняя речь в эфире является отражением эволюционного развития орфоэпической системы (ср., например, произношение слов с буквенными сочетаниями *чн* (скучно, горничная, достаточно) или сочетаниями *зж*, *жж*, *жд* в пределах одной морфемы (позже, приезжий, дожди) представителями разных поколений носителей языка). В результате дистанция между орфоэпией литературного языка и орфоэпией ТВ речи постепенно сокращается, и поэтому положение, согласно которому «в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает язык СМИ» [Солганик, 2012, 10], актуализируется и применительно к орфоэпической составляющей массмедиа.

(1.3). ***Лексикографическая*** ситуация. На протяжении длительного времени — с середины и почти до конца XX в. — круг нормативных орфоэпических описаний был четко определен. В новом тысячелетии их список заметно расширился. Несмотря на это, лакуны в описании сохранились. Кроме того, положение усугубляется отсутствием консенсуса о норме, к чему бывает привлечено внимание даже в эфире. Например:

С. Брилев: Еще о стыке бизнеса и культуры. Я рискую сейчас вызвать гнев большого количества людей, сказав, что я, честно сказать, не понимаю всего того сыр-бора, который возник вокруг темы *Кижéй*. Я уж буду ставить привычное мне ударение.

В. Мединский: В *Кижáх* были?

С. Брилев: Был. Это было ужасно. Я с родителями туда ездил...

В. Мединский: Вы знаете, самое забавное, что бывший директор этого замечательного музея под открытым небом, который карелы называют *Ки́жи*, предлагала то же самое... Сейчас в *Ки́жи* приезжают чуть более ста тысяч человек в год, притом, что в советские годы было более трехсот... Так, для понимания: сам остров *Ки́жи* целиком — это примерно 200 гектаров... Я считаю, что это жемчужины зодчества, и, самое главное, там, в

Ки́жах, есть потрясающая история русского духа...Показывать это своим детям. Сейчас посещение *Ки́жей* — это, знаете, занятие для богатых...[11]

Лексикографическая справка: Ки́жи — все СУ, Кижи́ и Ки́жи — СШ-2009.

Столкнувшись с указанными обстоятельствами, естественно задаться вопросами: каким должен быть алгоритм действий в отмеченных ситуациях? и какой из имеющихся словарей является наиболее авторитетным? К сожалению, лингвисты-нормализаторы, занятые в сфере орфоэпии, вполне терпимо относятся к отмеченным ситуациям. Разумеется, при сугубо теоретическом взгляде на проблему разночтения не вызывают особых затруднений. Иное дело практическая сфера, требующая ответа «здесь и сейчас».

А теперь целесообразно вернуться к тезису о том, что орфоэпическая норма не исключает наличия вариантов, в том числе равноправных. Какому из них отдать предпочтение? Ответ на него давно найден и сформулирован представителями театрального сообщества, которые на разных этапах придерживались разных воззрений. Сначала господствующей была установка на ограничение вариативности: «При этом мы исходили из основного требования театра и театральной педагогики: возможно больше унифицировать произношение, стараться меньше оставлять места для разночтения, избегая частых указаний на “допустимость” вторых вариантов произношения и ударения» [Козлянинова, 1977, с. 57—58]. Однако со временем позиция теоретиков и практиков театра претерпела коренные изменения. Понимая, что орфоэпические нормы не могут находиться вне динамики и что «насильственно культивировать какой-то один вариант сегодня неверно», они наметили выход из положения: «Ощущение речевого разнобоя возникает, когда два, одинаково правомочных сегодня, варианта звучат рядом, один за другим. Вот этого театрам следует решительно избегать. Следовательно, если в одном и том же месте диалога два действующих лица произносят одно и то же слово, имеющее вариантность произношения, надо произнести это слово одинаково» [Промптова, 1989, с. 38]. В настоящее время к аналогичному решению приходят и журналисты, полагая невозможным вернуться к прежней (и, надо сказать, вполне успешно работавшей в советский период) однозначности. Вот что об этом думает заместитель главного редактора радиостанции «Эхо Москвы», ведущая новостей и программ «Говорим по-русски. Передача-игра», «Как правильно?» М.А. Королева: «Мы ушли сейчас, как я понимаю, от такой советской практики однозначности. Мы вступили в такую фазу многовариантности.

[11] Передача «Вести в субботу» с Сергеем Брилевым (телеканал «Россия 1»). Интервью с Владимиром Мединским. Эфир от 23 февраля 2013 г.

Когда мне нужно в эфир, я должна все-таки как-то это слово произнести. И в таких случаях — я вам могу просто открыть наши внутренние там секреты — мы вынуждены договариваться. То есть мы говорим, что вот мы на данной территории, территории данного СМИ произносим это слово так-то. Вот это наша норма. Но всегда одинаково, но просто чтобы у слушателя или у зрителя не возникала, извините, шизофрения»[12]. В сегодняшней языковой и лексикографической ситуации такая редакционная политика кажется рациональной. Однако этот, казалось бы, очевидный выход из положения игнорируется, в результате чего ситуации, когда на одном канале один ведущий новостной программы произносит [эф-эм-э́с], а другой — [фэ-мэ-э́с], уже не единичны.

(2). Репертуар используемых в ТВ речи (как и в любой другой разновидности УРП) средств не исчерпывается кодифицированными формами, которые являются основой и доминируют. В ней в большей части случаев присутствуют и ***некодифицированные*** формы, специфика которых заключается в том, что им свойственна фонетическая неоднородность (ср. *тыща* и *ч*(*елов*)*ек*) и, как следствие, градуированность на шкале нормативности и разное поведение в соответствии со значением ситуативных переменных. В силу того, что указанные варианты являются частью литературной нормы, их употребление не нарушает литературности речи и в этом смысле не является ошибкой. Вместе с тем, несмотря на отсутствие эксплицитно сформулированных правил, неточность и погрешность в выборе той или иной конкретной формы обычно не проходит незамеченной. Знаком отрицательной оценки могут служить ремарки типа «разговорно, невнятно, скороговорка, плохая дикция» и т.п. Не менее важно понимать, что ТВ речь в плане функционирования некодифицированных форм многолика и образует шкалу переходов. Судя по качественным журналистским материалам, их присутствие табуировано только *там* и *тогда*, *где* и *когда* речь квалифицируется как «имеющая большое, даже всеобщее значение», «как важная, существенная для всех (или многих)» и как «имеющая печать торжественности (в большей части — праздничной, но иногда и скорбной)» [Панов, 1981, 15 и 16]. Так, например, в передачах типа «Минута молчания» законны лишь кодифицированные нормы. При этом некодифицированные формы не исключены в выпусках «новостей дня», которые, однако, принимают их крайне избирательно. В таких программах их использование подчиняется наиболее жестким ограничениям. Что касается «персонифициро-

[12] Передача «Тем временем» с Александром Архангельским (телеканал «Россия К»). В анонсе передача называется «Русский язык в жизни и русский язык в школе: два разных языка?» Ведущий тему выпуска сформулировал иначе: «Русский язык в жизни. Русский язык в науке. Русский язык в школе». Эфир от 6 мая 2013 г.

ванных экранных форм», то в них количество и качество (тип) компрессий может быть шире и варьирует в зависимости от индивидуальной речевой манеры журналиста. Это становится очевидным, если сравнить произношение журналистов таких сходных по основному набору показателей передач, как «Вести в субботу» с С. Брилевым и «Вести недели» с Д. Киселевым или произношение разных ведущих — Л. Аристарховой, А. Дубаса, А. Максимова — в передаче «Наблюдатель» (телеканал «Россия К»).

Попутно отметим, что некодифицированные формы встречаются в ТВ текстах, начиная с 50-х гг. XX в., когда «прозвучало на экране первое выступление И. Андроникова... и двухгодичный курс Г. Авенариуса», которые «станут, как окажется позже, экранным прообразом амплуа «телевизионного рассказчика» (Э. Радзинского, В. Вульфа, А. Варгафтика...)». В дальнейшем их укреплению в ТВ пространстве способствовало «рождение, если применять сегодняшнюю терминологию, “авторского ТВ”. Диктор перестал быть в эфире единственным представителем студии» [Муратов, 2009, с. 259]. Чтобы убедиться в том, что уже в XX в. ТВ речь (точнее, передачи определенного типа) не была закрыта для таких вариантов, достаточно поднять записи, например, «Международной панорамы». Кроме того, широкая область употребления и «возраст» данных форм подтверждается результатами обследования произношения образцовых носителей литературного языка в разных сегментах устной публичной речи [см.: Панов, 1990, с. 175—181; Борисенко, 1985, с. 248—292; Вещикова, 2007, с. 179—203]. Поэтому есть основания утверждать, что новшеством является не сам факт проникновения вариантов типа *када*, *обязатно*, *тыща* в массовую коммуникацию, объясняемый ослаблением «жестких рамок официального публичного общения» в новейшее время [Земская, 2000, с. 13], но экспансия тех телевизионных программ разных жанров и форматов, которые сделали зримой такую особенность.

(3). Ставя вопрос об ***ошибках*** в речи тележурналистов, представляется существенным выделить, по крайней мере, три момента.

(3.1). Прежде всего необходимо уточнить само понятие «орфоэпическая ошибка», поскольку чаще всего объяснения выглядят следующим образом: «Примеры неправильного произношения: коррэктность (вместо: корректность), токо (вместо: только), скоко (вместо: сколько), конечно (вместо: конешно), скучно (вместо: скушно), беспрецендето (вместо: беспрецедентно), что (вместо: што) и др.» [Сенкевич, 1994, с. 110]. Такое понимание трудно признать удовлетворительным, так как считать ошибкой отступление от кодифицированной нормы явно недостаточно. По мнению ученых, «ошибка — это употребление, не соответствующее ни одной из норм» [Лаптева, 2003, с. 279], ни кодифицированной, ни неко-

дифицированной. К числу ошибок относятся: *афёра* (вместо *афе́ра*), *украи́нский* (вместо *украи́нский*), *у́мерший* (вместо *уме́рший*), *при́бывший* (вместо *прибы́вший*), *лошадей* (вместо *лошы́дей*), *тяжёлый* (вместо *тижёлый*), *тэрмин* (вместо *термин*), *складо́в* (вместо *скла́дов*), *блага́* (вместо *бла́га*), *ле*[*хш*]*е* (вместо *ле*[*хч*]*е*), *тя*[*хч*]*айший* (вместо *тя*[*кч*]*айший*), *скурпулезный* (вместо *скрупулезный*), *конкурентноспособный* (вместо *конкурентоспособный*) и др.

(3.2). В связи с разговором об ошибках в ТВ речи, призванной быть проводником научных рекомендаций, нельзя не прислушаться к мнению известного лексикографа Н.Ю. Шведовой о том, что «ни один словарь не свободен от ошибок; вопрос только в том, каковы эти ошибки и каково их количество» [Шведова, 2001, с. 16]. Суждения ученого справедливы и в отношении орфоэпии профессионалов СМИ. Как свидетельствуют исследования, ошибки в эфире встречались и в предыдущий период. Приметой дня сегодняшнего является количество и устойчивость некоторых ошибок, а также встречаемость в произношении профессионалов СМИ нелитературных вариантов, относимых к разряду грубых (в академических словарях они сопровождаются пометами *неправильно* или *грубо неправильно*).

(3.3). Особый вопрос касается произносительных и акцентологических вариантов, находящихся на грани нормы/ненормы. В их круг попадают как отдельные слова (например, *гене́зис*[13]), так и группы слов (например, глагольные формы прошедшего времени среднего рода с ударением на окончании *врало́, ждало́, звало́, спало́*[14]) при наличии двух условий: вариант встречается в речи бесспорных носителей литературной нормы и при этом многими словарями (и прежде всего профессионально ориентированными) оценивается как нелитературный. В эпоху советского телевидения такие пограничные формы чрезвычайно редко проникали в речь тележурналистов. Сегодня ситуация кардинально изменилась, в результате чего орфоэпия СМИ оказалась не только хранителем традиции и проводником действующей кодификации, но и областью, где «наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка» [Земская, 2000, с. 10].

(3.4). В последние пять–десять лет в сетке вещания и универсальных, и нишевых каналов стали появляться программы (их тематика крайне разнообразна — это и политика, и здоровье, и литература), где в качестве ведущих выступают носители языка, у которых

---

[13] См.: ТС-2007 и Русский орфографический словарь Российской академии наук / Отв. ред. В.В. Лопатин. © Электронная версия, «ГРАМОТА. РУ», 2001—2007, в которых литературными признаются *ге́незис* и *гене́зис*.

[14] В словаре Каленчук М.Л., Касаткиной Р.Ф., Касаткиной Л.Л. они маркируются как *допустимо младшие*.

отсутствует серьезная подготовка в области орфоэпии. В большинстве случаев порождаемые ими тексты соответствуют литературному стандарту. Однако известны примеры и другого рода, когда автор-ведущий использует нелитературные формы — просторечные, профессиональные, диалектные, устаревшие. Данный вопрос никак не обсуждается. Между тем это новая проблема, требующая осмысления, поскольку всегда считалось, что орфоэпическая дисциплинированность обязательна для всех тех, кто связан не просто с участием в эфире, но с его ведением. В этом отношении крайне важными представляются размышления известнейшего фонетиста XX в. М.В. Панова, отмечавшего, что оценка отступлений от литературной нормы «часто является не только лингвистической, но и этической проблемой» [Панов, 1979, с. 206]. И далее: «Слышишь, что собеседник произносит “не так”, что общение идет не гладко — и хочется всю вину свалить на собеседника... Иногда следует задуматься: кому же менять произносительные привычки: мне или моему собеседнику, а может быть, никому? К подобной задумчивости должна приучать орфоэпия. Предположим, с севера в Москву на короткое время приехал человек (колхозник, бухгалтер, агроном, инженер, почтальон...) — говорит он окая. Надо ли стремиться его орфоэпически «перевоспитать»? учить аканью? Конечно, нет... Другой пример: учитель, уже много лет живущий в Москве, так и не освободился от оканья... Он заслуживает осуждения» [там же, с. 205].

Предварительные итоги

Из описанных фактов следует, что за чисто внешними изменениями стоят глубокие и серьезные преобразования в орфоэпии СМИ. Пожалуй, главное из них заключается в том, что орфоэпия телевизионных массмедиа последних десятилетий утратила характерную для прежней эпохи «монолитность». Это находит свое выражение в следующем.

1. В настоящее время объем и репертуар орфоэпических форм может быть подвижен и изменчив в зависимости от ряда факторов, что вполне согласуется с утверждением: «Напомним еще раз о необходимости стилевого единства передачи, четкого понимания автором, что хроникальный сюжет и публицистическая программа должны отличаться по изобразительно-выразительным средствам, по языку. Что уместно, скажем, в монологах Э. Радзинского... то не позволяется репортеру в новостях. Хотя и это правило — не без исключений» [Телевизионная журналистика, 2005, с. 241].

2. Нельзя игнорировать, что в пределах орфоэпии ТВ речи сосуществуют и проявляются в единстве два типа форм и норм — кодифицированные и некодифицированные, которые а) зависят от

разных факторов, б) несут разную информацию, в) по-разному характеризуют текст с точки зрения нормы (литературно/нелитературно, правильно/неправильно и корректно/некорректно, уместно/неуместно), г) подчиняются разным правилам.

3. Описание орфоэпии ТВ речи постсоветского периода требует дифференцированного подхода, поскольку важнейшим вектором ее развития является движение в сторону усложнения. В последнее время существует конкуренция между двумя принципами построения орфоэпии телевизионных текстов. Традиционная установка на единообразие остается востребована прежде всего, где экранная форма минимально персонифицирована. В других случаях вполне уместным и естественным бывает расширение границ кодифицированной нормы и присутствие некодифицированных форм.

Наблюдаемые сдвиги и трансформации в орфоэпии ТВ речи не должны оставаться за рамками нормативных источников. Очевидно, что обсуждение телевизионной политики применительно к орфоэпическому уровню, — это один из актуальных вопросов орфоэпической повестки дня, в процессе анализа и осмысления которого необходимо совместное участие исследователей, включая нормализаторов, и журналистов, поскольку именно их речевое поведение оказывается важнейшим ориентиром для большинства носителей языка.

Список литературы

Брызгунова Е.А. Связь внутренних законов языка с нормой устной и письменной речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Борисенко В.В. Разные типы произношения в устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Том «Общие свойства и фонетические особенности» / Под общ. ред. О.А. Лаптевой. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.

Вещикова И.А. Орфоэпия: Основы теории и прикладные аспекты. М.: Флинта: Наука, 2007.

Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000.

Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000.

Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988.

Зарва М.В. Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач. М.: Искусство, 1971.

Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007.

Козлянинова И.П. Произношение и дикция. 2-е изд., доп. М.: ВТО, 1977.

Культура речи и эффективность общения / Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М.: Наука, 1996.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2000.

Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2003.

Муратов С.А. Легенды и мифы вокруг ТВ // Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений. 2-е изд., доп. / Под ред. проф. Е.Л. Вартановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Панов М.В. Членение литературного языка и стили // Современный русский язык: Учебник / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М.: Наука, 1990.

Промптова И.Ю. Речевая культура театра. М.: Советская Россия, 1989.

Светана-Толстая С.В. Русская речь в массмедийном пространстве / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: МедиаМир, 2007.

Сенкевич М.П. Культура телевизионной и радиоречи: Учеб. пособие. М.: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1994.

Солганик Г.Я. Введение // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Ф-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012.

Телевизионная журналистика: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Редкол.: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVIII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002.

Федоров П.Р. Речь в современном медиаэфире. Обретения и потери // Журналистика и культура русской речи. М.: ИКАР, 2009. № 2.

Шведова Н.Ю. Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик, 2001.

Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-педагогич. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957.

Поступила в редакцию
02.09.2013